

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКИ Ф.И. ТЮТЧЕВА

Е.Н.Сычѐва

PAREMIOLOGICAL BASIS OF TYUTCHEV'S LOVE LYRICS

E.N.Sycheva

Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского, stchl@yandex.ru

Статья посвящена паремиологической комплектации поэтических текстов Ф.И.Тютчева. Любовная лирика на примере «денисьевского цикла» рассмотрена с позиций фразеологизирования тютчевских контекстов. Приведены конкретные стихи и вычлененные из них единицы фразеологического характера. Произведен анализ данного языкового материала.

Ключевые слова: поэзия Ф.И.Тютчева, любовная лирика, «денисьевский цикл», паремиологическая основа, фразеологизм, афоризм

The article is devoted to the paremiological configuration of F.I.Tyutchev's poetic texts. By the example of «Denis'ev cyclus» the love lyrics is considered from a position of phraseologisation of Tyutchev's contexts. The authors give some certain poems and phraseological units singled out of them. The given linguistic material is analyzed.

Keywords: F.I.Tyutchev's poetry, love lyrics, «Denis'ev cyclus», paremiological basis, phraseological unit, aphorism

Поэтический фонд русского классика XIX в. Ф.И.Тютчева представляет собой немногим больше четырёхсот стихотворений. Паремиологическую основу тютчевских стихов составляет в том числе фразеология и афористика так называемого «денисьевского цикла», выделяемого из его любовной лирики и получившего свое название по имени адресата большинства стихотворений. Данные стихи не стоит привязывать к биографии поэта, поскольку он сам не формировал их в отдельный цикл, часто нельзя с точностью сказать, посвящён текст Е.А.Денисьевой (более 15 стихотворений) или жене поэта Эрнестине Фёдоровне. В данный цикл принято также включать стихотворения, посвященные первой жене поэта Элеоноре [1]. В «денисьевский цикл» входят, к примеру, такие любовные стихи Тютчева, посвященные Е.А.Денисьевой: «На Неве», «Как ни дышит полдень знойный...», «Предопределение», «Близнецы», «Чему молилась ты с любовью», «О, как убийственно мы любим...», «Последняя любовь», «Когда на то нет божьего согласия...» и др.; обращенные к первой или второй жене, например: «Люблю глаза твои, мой друг...» (Эрнестине Пфелфель); «Она сидела на полу...» (уже жене — Эрнестине Федоровне Тютчевой); «Еще томлюсь тоской желаний...» (памяти первой жены — Элеоноры Тютчевой) и др. Не все стихотворения данного цикла имеют свой фразеологический набор.

В среде исследователей существуют различные взгляды на взаимодействие и сосуществование афористики и фразеологии в языке. В связи с этим выделяются узкий и широкий подходы к изучению фразеологии. При узком рассмотрении данной лингвистической отрасли (В.В.Виноградов, В.П.Жуков, А.И.Молотков и др.) к фразеологическим единицам (ФЕ) относятся только идиомы (фразеологические сращения, по одной точке зрения, или фразеологические сращения и единства, по другой точке зрения). При широком подходе (В.Л.Архангельский,

О.С.Ахманова, Н.М.Шанский и др.) границы фразеологии значительно раздвигаются, вмещая в данную группу языковых единиц не только идиомы, но и фразеологические сочетания и выражения, пословицы, поговорки, речевые штампы, афоризмы [2]. Включение афоризмов во фразеологию закономерно, поскольку фразеологические и афористические единицы обладают рядом общих языковых черт и признаков. Все афоризмы можно разделить на речевые (индивидуальные) и языковые (массовые). А языковые афоризмы, в зависимости от источника и своего употребления, разделяются на две группы: 1) пословицы и поговорки; 2) крылатые выражения. Языковые афоризмы отличаются от индивидуальных тем, что они массово воспроизводимы и имеют второй, переносный смысл.

От пословицы афоризм отличает тот факт, что пословица представляет собой явление народное, в то время как афоризм практически всегда обладает авторством. Тем не менее в круг исследуемых единиц паремиологии включают и фразеологизмы, и афоризмы. Обратимся к частным примерам единиц фразеологического и афористического характера, зафиксированным в отдельных стихотворениях «денисьевского цикла» Тютчева.

В поэтическом тексте «Предопределение» (между июлем 1850 и серединой 1851) [3, с. 173—174] фиксируется ФЕ *душа с душой*, возникшая как результат метонимического изображения целого посредством его части и обладающая значением по ПСТ «человек с человеком» [4, с. 64]. Сходная структурно и семантически единица фиксируется в ФСРЯ: «*Душа в душу*. В полном согласии, дружно (жить, прожить и т.п.)» [5, с. 149-150]. Данный тютчевский фразеологизм выделяется из афористического контекста «*Любовь, любовь — гласит преданье — Союз души с душой родной...*». За основу утверждения поэт берет народную мудрость, и сам указывает на это. Он полностью согласен с тем, что истинная любовь соединя-

ет сердца неразрывными связями. Настоящая любовь дарит полное взаимопонимание, создает растворение одного влюбленного в другом. Для усиления значимости своих слов Тютчев использует повтор в начале афоризма, дважды называя предмет разговора.

ФЕ *роковой день* фиксируется в контексте стихотворения «Накануне годовщины 4 августа 1864 г.» (3 августа 1865) [4, с. 222] («*Завтра день молитвы и печали, / Завтра память рокового дня...*»). Фраза «Ангел мой, ты видишь ли меня?», звучащая своеобразным рефреном всего стихотворения, усиливает его философский смысл. Благодаря первой строке «Вот бреду я вдоль большой дороги...», исследователи находят сходство поэтического текста с лермонтовским «Выхожу один я на дорогу». По мнению поэта, «пустыня внемлет богу», а Бог есть любовь.

В стихотворении «Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло...» (15 июля 1865) [3, с. 221] ФЕ *роковой день* немного видоизменяется, приобретая новые семантические коннотации (*блаженно-роковой день*). В данном поэтическом тексте встречается фразеологизм *вдохнуть душу* с семантикой «наделить душой что-либо» [4, с. 108] («...*Как души всю свою она вдохнула, / Как всю себя перелила в меня*»). Данный фразеологизм размещен также в узуальных словарях, к примеру, в ФСРЯ: «*Вдохнуть душу [дух]* во что. Оживить, возродить что-либо» [5, с. 58]. Здесь фиксируется афоризм «*Быть до конца так страшно одиноку, / Как буду одинок в своем гробу*», который характеризует боль утраты через личностное переживание одиночества.

Из стихотворения «О, как убийственно мы любим...» (первая половина 1851) [4, с. 176-177] выделяются такие фразеологизмы. ФЕ *в душевной глубине* Тютчев употребляет, говоря «о скрытых, внешне не проявляющихся чувствах» [1, с. 152] («*В ее душевной глубине Ей оставались воспоминанья...*»). Вариативность данной ФЕ наблюдается в других лексикографических источниках (например, во «Фразеологическом объяснительном словаре русского языка» под редакцией А.Н.Баранова и Д.О.Добровольского (ФОСРЯ)): «*в глубине души [сердца]*. Внутренне, тайне; подсознательно» [6, с. 108]. ФЕ *втоптать в грязь* в значении по ПСТ «очернить, испокхабить, опорочить» [4, с. 151, 188] («*Толпа, нахлынув, в грязь втоптала / То, что в душе ее цвело*») носит узуальный характер и фиксируется, к примеру, в ФСРЯ: *таптывать (затаптывать, втоптать, затаптать) в грязь*. 1. кого. Всячески унижать, оскорблять, чернить. 2. что. Порочить, чернить, дискредитировать [5, с. 87]. Первая строка стихотворения является глубоко философичной и запоминающейся, поэтому может быть позиционирована как авторский афоризм: «*О, как убийственно мы любим*», наряду с другой афористической единицей данного поэтического контекста: «...*Как в буйной слепоте страстей Мы то всего вернее губим, Что сердцу нашему милей!*».

Небольшой по объему поэтический текст «В разлуке есть высокое значенье...» (6 августа 1851) [3, с. 180] представляет собой афористическую совокупность. Так, выделяются следующие афоризмы:

1. *В разлуке есть высокое значенье: / Как ни люби, хоть день один, хоть век...*

2. *...Любовь есть сон, а сон — одно мгновение...*

3. *...И рано ль, поздно ль пробужденье, / А должен наконец проснуться человек...*

Второй афоризм, построенный по принципу скрытого сравнения и сопоставления, имеет прецедентную основу. Наблюдается реминисценция к высказыванию известного испанского поэта XVII века Кальдерона: «Жизнь есть сон». Этот яркий авторский образ имеет научную подоплеку, т.к. установлено, что сновидения человека в общей сложности составляют несколько минут, в то время как спящему может показаться, что они длились продолжительное время.

Поэтический текст «Последняя любовь» (между серединой 1851 и началом 1854) [3, с. 186] фиксирует фразеологизм *скудеет кровь* в значении «стариться, утрачивать сильные чувства» [4, с. 311] (*Пускай скудеет в жилах кровь...*) и афоризм «*О, как на склоне наших лет / Нежней мы любим и суеверней...*». ФЕ с компонентом *кровь* могут, с одной стороны, обозначать такие состояния человека, как энергичность, силу духа, сильные страсти. В таких случаях кровь играет, струится, кипит. С другой стороны, посредством ФЕ с данным соматизмом изображается старение, утрата привычных молодости чувств и т.п. Потеря крови для человека — это его гибель. Отсюда и ФЕ с такой семантикой.

Из стихотворения «Как ни тяжел последний час...» (14 октября 1867) [4, с. 236] вычленяется фразеологизм *последний час* («*Как ни тяжел последний час — / Та непонятная для нас Истома смертного страданья...*»). В большинстве случаев темпоральная лексема *час* в поэзии Тютчева используется в нескольких значениях с общей семантикой «промежуток времени» и организует собственную семантическую систему ФЕ. Фразеологизм *последний час* изображает в первую очередь трагическое, неблагоприятное для человека время [4, с. 888-889]. В ФОСРЯ представлена ФЕ *пробил последний час* с семантикой приближения уничтожения кого-, чего-либо [7].

Фразеолого-афористический аппарат стихотворения «Две силы есть — две роковые силы...» (март 1869) [3, с. 243] представлен следующими единицами. Во-первых, это афоризмы, из контекстов которых вычленяются фразеологизмы:

1. *Две силы есть — две роковые силы, / Всю жизнь свою у них мы под рукой, / От колыбельных дней и до могилы, — / Одна есть Смерть, другая — / Суд людской...*

2. *Таков уж свет: он там бесчеловечней, / Где человечно-искренней вина...*

3. *Свет не таков: ... / Не косит сплошь, но лучшие колосья Нередко с корнем вырывает вон...*

4. *Но Смерть... / Смирненную иль ропщущую братью — / Своей косою равняет всех она.*

В структуре первого афоризма содержится ФЕ *под рукой* со значением по ПСТ «находиться в чьей-либо власти» [4, с. 654]. Данная тютчевская единица имеет омонимичный аналог в ФСРЯ: *Под рукой*. 1. Поблизости, рядом (быть, находиться и т.п.) (устар.: под руками). 2. Устар. Тайно, незаметно для других. *Под рукой кого*. Создаваемое, выполняемое или соз-

данное, выполненное кем-либо [5, с. 401]. Эта же афористическая единица дает иной фразеологический контекст: *до могилы* с семантикой по ПСТ «до смерти» [4, с. 369] или по ФСРЯ — «до самой смерти, до конца жизни» [5, с. 250].

В данном поэтическом тексте размещена также ФЕ *смыкать уста* со значением по ПСТ «заставлять замолчать» [4, с. 862] («...*Пощады нет, протесты нетерпимы, Их приговор смыкает всем уста*»).

Посвященное второй жене, когда она еще не являлась таковой, а была Эрнестиной Пфедфель, стихотворение Тютчева «И чувства нет в твоих очах...» (декабрь 1837) [4, с. 138] содержит афоризм «*И смысла нет в мольбе!*» Безоговорочность этой мысли подчеркивается его синтаксическим оформлением. Афоризм представляет собой безличное предложение, предикативной основой которого является отрицательная конструкция (слово «нет»). Этот афоризм можно сопоставить с широко известным «Москва слезам не верит», но он имеет более категорический характер.

Нельзя обделить вниманием «благодарную роль женской любви в творчестве поэта-лирика», замечает Г.В. Чагин [8]. Проведенное исследование подтверждает, что любовная лирика Ф.И. Тютчева на примере его легендарного «денисьевского цикла» может быть охарактеризована с точки зрения ее афористико-фразеологической системы, подчиненной целостному воссозданию в основном трагичного образа любви, т.к. «страстная любовь... и постоянная внутренняя тревога, в конечном счете обусловленная трагическим восприятием реальной действительности, составляют основу мироощущения Тютчева-поэта», как отмечает К.В. Пигарев [9].

1. Лотман Ю.М. Поэтический мир Тютчева // Тютчевский сборник: Статьи о жизни и творчестве Ф.И.Тютчева. Таллин: Ээсти раамат, 1990. С. 108-141.
2. Фёдоров А.И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII — начале XIX в. Новосибирск: Наука, 1973. С. 7-9.
3. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1987. 448 с.

4. Голованевский А.Л. Поэтический словарь Ф.И.Тютчева. Брянск: РИО БГУ, 2009. 962 с.
5. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4 000 словарных статей / Под редакцией А.И.Молоткова. М.: Русский язык, 1978. 543 с.
6. Фразеологический объяснительный словарь русского языка / Под редакцией А.Н.Баранова и Д.О.Добровольского. М.: Эксмо, 2009. 704 с.
7. Чичерин А.В. Образ времени в поэзии Тютчева // Ритм образа. Стилистические проблемы. М., 1980. С. 161-169.
8. Чагин Г.В. «О ты, последняя любовь...» Женщины в жизни и поэзии Ф.И.Тютчева. СПб.: Лениздат, 1996. 192 с.
9. Пигарев К.В. Ф.И.Тютчев и его время. М.: Современник, 1978. С. 202.

References

1. Lotman Ju.M. Poeticheskii mir Tiutcheva [The poetic world of Tyutchev]. Tiutchevskii sbornik: Stat'i o zhizni i tvorchestve F.I.Tiutcheva [Tyutchev Collected Book: Articles about the life and work of F.I.Tyutchev]. Tallinn: Eesti Raamat Publ., 1990, pp. 108-141.
2. Fedorov A.I. Razvitie russkoi frazeologii v kontse XVIII — nachale XIX v. [Development of Russian phraseology in the late 18th and early 19th centuries]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1973, pp. 7-9.
3. Tyutchev F.I. Polnoe sobranie stikhotvorenii [Complete Book of Poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1987. 448 p.
4. Golovanevskii A.L. Poeticheskii slovar' F.I.Tiutcheva [The poetic language of F.I.Tyutchev]. Bryansk, RIO BSU Publ., 2009. 962 p.
5. Molotkov A.I., ed. Frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka. Svyshe 4000 slovarnykh statei [Phrase book of the Russian language. Over 4,000 entries]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1978. 543 p.
6. Baranov A.N., Dobrovolskii D.O., eds. Frazeologicheskii ob'iasnitel'nyi slovar' russkogo iazyka [Idioms interpretative dictionary of the Russian language]. Moscow, Eksmo Publ., 2009. 704 p.
7. Chicherin A.V. Obraz vremeni v poezii Tiutcheva [The image of time in the poetry of Tyutchev] // Ritm obraza. Stilisticheskie problemy [An image swing. Stylistic problems]. Moscow, 1980. pp. 161-169.
8. Chagin G.V. "O ty, posledniaia liubov'..." Zhenshchiny v zhizni i poezii F.I.Tiutcheva [Women in the life and poetry of F.I.Tyutchev]. Saint Petersburg, Lenizdat Publ., 1996. 192 p.
9. Pigarev K.V. F.I.Tiutchev i ego vremia [F.I.Tyutchev and his time]. Moscow, Sovremennik Publ., 1978, p. 202.